

сает он через несколько минут ямщику, товарищ которого тотчас подтверждает «компетентность», выразительность обращения и с удовольствием подхватывает: «Слышь, Митюха, <...> барин-то тебя как прозвал? Толстобородый и есть» (там же). С этих метких, прицельных фраз, которые, при всей своей спонтанности и лаконизме, стилистически и содержательно выверены и точны, начинается романная жизнь героя в слове.

За Базаровым, с его собственной подачи, закреплено совершенное отсутствие эстетического чутья. «И так-таки у вас ни капельки художественного смысла нет? <...> Как же вы без него обходитесь?» — удивляется Одинцова. «А на что он нужен, позвольте спросить?» (8, 277) — отвечает Базаров, чуть позже еще раз подчеркивая: «Я человек положительный, неинтересный. Говорить не умею. <...> ...Изящная сторона жизни мне не доступна». Он не лукавит и не кокетничает, но говорит неправду. То чувство к собеседнице, которое он пытается скрыть за своими уклончивыми, лаконичными ответами, и сам его выбор — удивительной красоты и достоинства женщина — свидетельствуют об обратном. Как свидетельствует об обратном и его речь — не случайно Одинцова парирует его заявление о неумении красиво изъясняться отнюдь не дежурной репликой: «Вы напрашиваетесь на любезность, Евгений Васильевич» (8, 290).

Он действительно умеет говорить, выразительно, образно и артистично пользуясь словом и раскрываясь в нем не менее глубоко и неожиданно, чем в поступках.

Его замечательные афоризмы свидетельствуют о редкой способности на ходу, ярко и при этом очень точно, прозрачно, внятно формулировать мысль. Причем некоторые из них, преимущественно «нигилистического» свойства, носят опять-таки ситуативный характер. Не как выношенное убеждение, а как спонтанный отклик на выпады в его сторону или на неловкие для него положения звучат антиэстетические формулы: «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта» (8, 219), «Рафаэль гроша медного не стоит» (8, 247), «Я гляжу в небо только тогда, когда хочу чихнуть» (8, 327) и т. п. По-мальчишески самонадеянно, явно не имея соответствующего опыта и не подозревая о том, чем для него обернется эта эффектная фраза, этот постулат, судит он о чужой любви: «А я все-таки скажу, что человек, который всю свою жизнь поставил на карту женской любви и, когда ему эту карту убили, раскис и опустился до того, что ни на что не стал способен, такой человек — не мужчина, не самец» (8, 226). А вот формулу «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник» (8, 236) совершенно напрасно нередко трактуют в нигилистическом ключе — это говорит естествоиспытатель, биолог, который воспринимает природу не отвлеченно-созерцательно, а с глубоким знанием дела, который относится к ней очень лично, что запечатлено в другой выразительной фразе: «...акация да сирень ребята добрые, ухода не требуют» (8, 234), который, пристально ее изучая, никогда не причинит ей вреда — красноречивая деталь: покидая Марьино, он выпускает «на волю всех своих лягушек, насекомых и птиц» (8, 357). Многие базаровские сентенции обнаруживают подлинную глубину понимания жизни. Аркадию, который ожидал от него очередного нигилистического выпада по поводу своего намерения жениться на Кате, Базаров говорит: «Видишь, что я делаю: в чемодане оказалось пустое место, и я кладу туда сено; так и в жизненном нашем чемодане; чем бы его ни набили, лишь бы пустоты не было» (8, 380).

Ставшая расхожей фраза: «О друг мой Аркадий Николаич! <...> Об одном прошу тебя: не говори красиво» (8, 326), как правило, воспринимается слишком прямолинейно, как очередной выплеск базаровского антиэстетиз-